УДК: 94(571.6)
DOI: 10.25629/HC.2024.02.03

ВЕРБОВКА БЕЛОЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ В 1931–1932 ГГ. ДЛЯ УЧАСТИЯ В СОБЫТИЯХ МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ФАКТОРОВ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СССР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Филинов А.В.
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Аннотация

Статья посвящена ранее не рассмотренному в историографии вопросу возможной вербовки Японией белоэмигрантов в Европе в 1931–1932 гг. для участия в японо-китайском конфликте, начавшемся после маньчжурского (мукденского) инцидента в сентябре 1931 г. и ставшего частью маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 – март 1935 гг.). Это, а также использование в качестве источников неопубликованных материалов из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) определяют актуальность и научную новизну исследования.

Целью статьи является установление факта массовости и систематичности или единичности случаев и слабой организованности вербовки белоэмигрантов для участия в событиях маньчжурского кризиса, что могло послужить одним из факторов, влиявших на политический курс руководства СССР в отношении ситуации в Северо-Восточном Китае. В статье проанализированы мнения по вопросу участия белогвардейцев в японо-китайском конфликте некоторых лидеров русской военной белоэмиграции, в том числе, руководителей РОВСа (Русского Общевоинского Союза). Выявлены заметные расхождения между отношением А.И. Деникина, М.К. Дитерихса, Е.К. Миллера к возможному участию русских белоэмигрантов в событиях в Маньчжурии на стороне Японии.

Делается вывод, что фактов массовой вербовки белоэмигрантов в Европе для участия в японо-китайском конфликте в 1931–1932 гг. в частности советскими дипломатами не было выявлено. Однако выдвигается гипотеза о том, что распространявшаяся информация о фактах вербовки русских эмигрантов для участия в событиях на Дальнем Востоке на стороне Японии, в совокупности с другими факторами (например, выходом японских войск к линии КВЖД), могли повлиять на изменение отношения высшего советского руководства (в первую очередь, И.В. Сталина) к ситуации в северо-восточном Китае вблизи дальневосточных границ СССР.

Ключевые слова

Белоэмигранты, вербовка, высшее руководство СССР, А. И. Деникин, М. К. Дитерихс, маньчжурский кризис, Е. К. Миллер, Польша, РОВС, Франция.

Введение

18–19 сентября 1931 г. произошёл т.н. маньчжурский (мукденский) инцидент, т.е. подрыв железной дороги около Мукдена (ныне Шэньян). Данное событие повлекло за собой вторжение Квантунской армии в Северо-Восточный Китай и начало японо-китайского конфликта, продлившегося до подписания сторонами соглашения в Тангу в мае 1933 г. Таким образом, маньчжурский инцидент положил начало маньчжурскому кризису – внешнеполитической ситуации, сложившейся вследствие захвата Японией Маньчжурии и дальнейшего продвижения Квантунской

армии в сторону границ Советского Союза. Для СССР кризис завершился лишь в конце марта 1935 г., вместе с продажей Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) формально Маньчжоу-Го, являвшемуся полностью подконтрольным Японии государством.

До определённого момента действия японских войск относительно мало влияли на политический курс высшего советского руководства во главе с И. В. Сталиным как за пределами СССР, так и внутри него. Однако спустя 2 месяца после начала вторжения в Маньчжурию 18 ноября 1931 г. подразделения Квантунской армии захватили Цицикар, и впервые вышли к линии КВЖД, что означало, по сути, прекращение безопасного существования железной дороги, ранее вполне защищённой от вторжения извне. Возникла прямая угроза политическим и экономическим интересам СССР как в Маньчжурии, так и в перспективе на советском Дальнем Востоке. 19 ноября 1931 г. вице-министр иностранных дел Японии Ногаи (Нагаи) заявил советскому полпреду в Японии А. А. Трояновскому, что солдатам и офицерам Квантунской армии дан специальный приказ ни в коем случае не причинять КВЖД какого-либо ущерба, и дал гарантии того, что войска через четыре-пять дней уйдут из Цицикара на юг [19, с. 112]. Но этого не произошло.

26 ноября большая часть японских войск всё-таки приступила к эвакуации Цицикарского района [4, лл. 102-103; 7, л. 65]. Тем не менее, 27 ноября И.В. Сталин направил наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову послание. По мнению некоторых исследователей, данный документ можно рассматривать как пусть и весьма условный, но всё же некий поворотный пункт в воззрениях генсека на цели японского вторжения в Маньчжурию [25, с. 365].

Эту точку зрения вполне можно принять. Если до появления этого документа И.В. Сталин был искренне убеждён в несомненном существовании сговора крупнейших империалистических держав, направленном на раздел Китая на сферы влияния и ещё не был уверен в наличии определённой военной угрозы для Советского Союза, то теперь главный акцент делался именно на этот аспект: «Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами <…> Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту… Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку» [28, с. 161-162].

В соответствии со складывающейся ситуацией и должна была меняться внутренняя и внешняя политика СССР: «Японцы сделали вид, что они довольны заявлением Литвинова и нашим нейтралитетом…Они предложили начать переговоры о рыбной ловле <…> Понятно, что мы также не преминули козырнуть нашими «нормальными» отношениями с Японией перед Польшей.<…> Переговоры идут, хотя трудно сказать – чем они кончатся, но даже простой факт переговоров с Польшей даёт нам немалый плюс ввиду событий на Дальнем Востоке» [28, с. 161-162].

В связи с этим О.Н. Кен справедливо замечает, что «сложные и серьёзные дела с Японией» (по выражению самого генсека) побуждали советскую сторону к получению гарантий безопасности на западе. Исследователь полагает также, что и в этом ограниченном смысле были правы современники, отмечавшие влияние дальневосточного кризиса на положительные сдвиги в подходе Москвы к ведению переговоров с Польшей и другими западными соседями [18, с. 82-83].

И действительно, заключение 25 июля 1932 г. пакта о ненападении (5 мая 1934 г. продлён до 31 декабря 1945 г.), а в следующем 1933 г. подписание конвенции об определении агрессии, содействовало росту взаимного доверия между двумя странами. Однако этот процесс происходил в острой борьбе противоборствующих сил. Уже в ходе предварительного обсуждения, при внесении на ратификацию в сейм советско-польского договора о ненападении, депутат от Польской социалистической партии (ППС) К. Чапиньский критиковал те польские круги, которые выступали против улучшения отношений с СССР. В частности, он напомнил, что, когда Япония захватила Маньчжурию и начала провокационные атаки на «ключевые позиции большевистской России на Дальнем Востоке», главный редактор газеты «Слово» С. Мацкевич выступил со статьей «Банзай, Япония!» [22, с. 261].

Польских социалистов активно поддерживали, по крайней мере, словесно, и на заседаниях XII пленума ИККИ в августе – сентябре 1932 г. Деятели Коминтерна с присущим им обличительным пафосом клеймили позором польских «империалистов» за то, что те якобы возлагали надежды на Японию как на «защитницу европейской цивилизации» в будущей войне с Советским Союзом и связывали с её победой на Дальнем Востоке осуществление «разбойничьей» внешнеполитической программы «Польша от моря до моря». По мнению ораторов, выступавших на пленуме, для того чтобы помочь «японской военщине», польская буржуазия будто бы не только организовала включение национальной промышленности в загадочную «международную систему снабжения японской армии». Но и якобы развернула широкую вербовку добровольцев в японскую армию, для чего даже официально организовала бюро для отправки «белогвардейских банд» на Дальний Восток [32, с. 46].

Краткий обзор литературы

В историографии неоднократно рассматривался вопрос как в целом об участии русских белоэмигрантов в различных воинских формированиях и вооружённых конфликтах, в том числе в 1930-е гг. При этом существуют как работы обобщающего, обзорного характера [23], так и исследования, рассматривающие данную проблему более глубоко на примере конкретных вооружённых столкновений и территорий: на территории Южной Америки в рамках «Чакской войны» 1932–1935 гг. [17], Испании в ходе Гражданской войны 1936–1939 гг. [9, 20, 21, 26]. Есть сведения о фактах тайной вербовки Германией русских офицеров – белоэмигрантов в эфиопскую армию в середине 1930-х гг., очевидно, для участия в итало-эфиопской войне 1935–1936 гг. [10, с. 51].

Специалистами рассматривалось и участие белоэмигрантов в военных конфликтах и войнах и на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. [1, 2, 11, 12, 24, 31], причём не только на стороне китайских или японских сил, но и, например, против Квантунской армии [27]. Однако судя по имеющимся публикациям, в историографии никогда не изучался вопрос возможной вербовки японскими или китайскими властями белоэмигрантов в Европе с целью их отправки на Дальний Восток для участия в японо-китайском конфликте в рамках маньчжурского кризиса в первой половине 1930-х гг., что и определяет актуальность исследования.

Постановка задач и методы исследования

Целями статьи являются введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), содержащих информацию о возможной вербовке белоэмигрантов в Европе (в частности в Латвии, Польше, Франции) в 1931–1932 гг. для их участия в событиях маньчжурского кризиса (японо-китайском конфликте) на стороне Японии; установление факта массовости и систематичности или единичности случаев и слабой организованности вербовки белоэмигрантов; выявление отношения к возможной вербовке лидеров военной белоэмиграции (на примере А. И. Деникина, М. К. Дитерихса, Е. К. Миллера); определение степени влияния данных о возможной вербовке белоэмигрантов на политический курс лидеров Советского Союза в отношении событий маньчжурского кризиса. Для достижения этих целей решались такие задачи как анализ данных материалов и их сопоставление с имеющимися в опубликованных источниках и литературе сведениях о положении белоэмигрантов в странах Европы (как упомянутых в документах, так и являвшихся наиболее крупными центрами их пребывания), с информацией о реакции высшего руководства СССР на события маньчжурского кризиса. Поэтому в рамках исследования были использованы такие методы исследования как описательный, аналитический, сравнительный и формально-логический, применённые в отношении к данным, полученным историко-архивным методом.

Результаты исследования и их обсуждение

Руководство СССР ещё до вышеупомянутых громких заявлений на XII пленуме Коминтерна уже было оповещено о подлинных или мнимых попытках вербовки белогвардейцев в Европе, в первую очередь через советских дипломатов. То, почему в выступлении на заседании ИККИ упоминалась именно Польша как один из возможных центров вербовки белоэмигрантов для отправки на Дальний Восток, вполне понятно. Дело в том, что по данным службы по размещению русских беженцев (была создана при Лиге Наций по настоянию эмигрантских кругов в конце 1920-х гг.) на 1931 г. положение русских эмигрантов в Польше, по сравнению с положением их соотечественников в других государствах, было самым трудным. Данный факт был связан с тем, что в Польше наиболее образованная часть русской эмиграции не смогла найти приложение своим способностям. Это обстоятельство стало причиной массового переезда белоэмигрантов из Польши в Бельгию, Францию, Югославию и другие страны Европы [16, с. 62]. Этот же факт мог спровоцировать и бóльшую подверженность белоэмигрантов вербовке со стороны японских представителей, если таковая в действительности имела место.

Кроме того, отличительной чертой пребывания белоэмигрантов в Польше являлось также то, что многие молодые люди призывного возраста, перебравшиеся из России, в соответствии с польскими законами до 1929 г., призывались на службу в национальную армию. Это обстоятельство беспокоило эмигрантов и стало причиной ряда запросов Варшавского делегата Верховного комиссариата Лиги Наций по делам беженцев Э. Галлати в МВД Польши. В результате мер, предпринятых им и эмигрантскими организациями с 1929 г., этот призыв русской молодёжи в польскую армию прекратился [16, с. 62]. При этом не исключено, что подобное обстоятельство лишало белоэмигрантов пусть и своеобразного, но «трудоустройства» и также могло способствовать их более благожелательному отношению к возможной вербовке для участия, в том числе в японо-китайском конфликте.

Так или иначе, полпред СССР в Латвии (до 1933 г.) А.И. Свидерский 3 ноября 1931 г. сделал запись в своём дневнике о разговоре с неким японцем (судя по тексту, имелся в виду представитель японского правительства в Риге). Посол осведомился у Свидерского насчёт информированности последнего относительно неких «нелепых слухов о формировании ими, японцами, белогвардейских отрядов в Риге и других европейских центрах для отправки на Дальний Восток». Полпред признался, что ничего не слышал об этом и пожелал узнать об источнике «слухов». В ответ японский дипломат сообщил о разговоре его самого с неким журналистом эмигрантской газеты «Новый Голос», якобы собиравшим материал по поводу формирования отрядов белых для отправки на Дальний Восток и беседе японского военного атташе с каким-то эмигрантом, который «просил записать его в отряд» [6, л. 61]. Здесь стоит заметить, что если вербовка на самом деле велась, то лучшим способом снять с себя подозрения в её организации для японцев действительно было не полное отрицание подобных фактов, а интерпретация их как инициативы самих белоэмигрантов, буквально «упрашивавших» отправить их в Маньчжурию.

Одним из первых крупных деятелей Белого движения, высказавших своё отношение к участию эмигрантов в японо-китайском конфликте, был генерал-лейтенант А.И. Деникин. В своём выступлении 15 ноября 1931 г. на торжественном заседании в Париже по случаю 14-летней годовщины основания Добровольческой Армии, генерал выделил два возможных аспекта дальневосточных событий, которые могли затронуть эмиграцию. Интересно, что и в том и в другом аспектах Деникин считал невозможным участие эмигрантов в событиях на Дальнем Востоке, но по разным причинам.

В первом случае (в условиях уже развернувшегося японо-китайского конфликта), поскольку «…интересы обеих сторон чужды российским, что нужно беречь русскую кровь, что, наконец, подобное вмешательство поставило бы в трагическое положение беженское население в зонах японского или китайского управления». Только непосредственная угроза со стороны Китая или СССР могла бы вынудить белоэмигрантов взяться за оружие [13, л. 72].

Во втором случае (вторжение Японии на советскую территорию), «…участие на её [т.е. Японии] стороне белых воинов недопустимо морально и бесцельно практически». Очевидно, под моральной стороной вопроса Деникин имел в виду помощь внешнему врагу, который являлся угрозой для России (СССР) вне зависимости от политического режима, существовавшего в последней. Что же до практичности, то здесь генерал апеллировал к печальному опыту прошлого, когда после заключения мира между РСФСР и Эстонией была интернирована армия генерала Н.Н. Юденича. По поводу Дальнего Востока Деникин полагал, что там ранее в тяжёлом положении оказались отряды белых, воевавших на стороне местных генералов в ходе гражданской войны в Китае и антибольшевистские силы, боровшиеся с Советской властью в Приморье в условиях японской оккупации и соглашения японцев с красными [13, л. 72].

В дальнейшем А.И. Деникин внимательно следил за интерпретацией своих слов эмигрантской прессой, и в тех случаях, когда ему казалось, что она искажает его высказывания, обращался с просьбой «восстановить подлинные слова моего обращения к соратникам» (т.е. напечатать опровержение) [13, л. 31]. Он объяснял это тем, что «…весьма серьёзная политическая обстановка данного момента возлагает на нас нравственную ответственность не только за дела, но и за слова» [13, л. 75]. В 1932 г. Деникин обобщил свои взгляды, в том числе на японо-китайский конфликт, и в целом на проблему роли белой эмиграции в дальневосточных событиях, в работе «Русский вопрос на Дальнем Востоке» [14].

В целом, белоэмигранты во Франции активно реагировали на ситуацию на Дальнем Востоке. Уже через несколько дней после выступления Деникина, 19 ноября 1931 г., в одном из белоэмигрантских объединений (Союзе технических войск), который находился в Париже и входил в состав 1-го отдела РОВС, генералом П. И. Секретевым был прочитан доклад «Японо-китайский конфликт» [29, с. 124]. Однако гораздо больше, что вполне объяснимо, были озабочены складывавшейся в Маньчжурии ситуацией генерал-лейтенанты Е.К. Миллер (председатель РОВСа до 1937 г.) и Н.Н. Стогов (глава военной канцелярии РОВСа до 1934 г.). 10 декабря 1931 г. за подписями обоих генералов вышло циркулярное распоряжение РОВСу, согласно которому следовало относиться «с полным недоверием…как в данном случае, так и всегда, к каким-либо предложениям, записям и т.д., исходящим не от официальных представителей Р.О.В. Союза». Подобная осторожность объяснялась тем, что «в некоторых государствах вновь безответственные или злонамеренные лица производят среди г.г. офицеров вербовку для отправки на Дальний Восток» [13, лл. 56об – 57].

В данном случае, любопытны несколько обстоятельств. Во-первых, проскользнувшее в циркуляре слово «вновь», показывающее, что ранее подобные попытки, видимо, уже предпринимались, хотя лидеры РОВСа и не уточняют, когда и кем. Возможно, что как для них, так и для тех, кого касалось распоряжение, это было очевидно. Во-вторых, примечательны соображения генералов относительно методов воздействия на офицеров-белоэмигрантов, которыми руководствовались в своей деятельности загадочные вербовщики. Делали они это, по мнению Миллера и Стогова, «…пользуясь, с одной стороны, возникшим Японо-Китайским конфликтом, который как бы открывает возможности для партизанских и более серьёзных действий на Советской территории Дальнего Востока, а, с другой стороны, безработицей, толкающей голодных людей на авантюры…» [13, лл. 56об – 57].

Здесь следует отметить, что немалые проблемы с трудоустройством испытывали русские беженцы не только, например, в Германии, где военным эмигрантам было сложно устроиться на работу в связи с «Великой депрессией» конца 1920-х – начала 1930-х гг. [10, с. 51]. Проблема трудоустройства была одной из ключевых и для белоэмигрантов, например, в Югославии, положение которых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев хотя и было в целом лучше, чем в других странах мира, но всё же и там нередкими являлись случаи, когда беженцы кормились подаянием, умирали от голода и т.д. [15, с. 61, 68].

Для большей убедительности дополнительно в отдельном документе генерал Стогов настоятельно рекомендовал «сохранять полное спокойствие…и терпеливо ждать указаний своего прямого начальства, веря, что Главное Командование не упустит, если обстановка сложится

благоприятно, использовать в русских интересах создающееся на Дальнем Востоке положение» [13, л. 57об].

Но были и те, кто придерживался другой точки зрения, отличной от мнений Деникина, Миллера и Стогова. Например, после вторжения Японии в Маньчжурию, председатель Дальневосточного (9-го) отдела РОВСа (до 1937 г.) генерал-лейтенант М.К. Дитерихс из Шанхая обратился в этой связи «К белой русской эмиграции всего мира». В выпущенной им листовке говорилось: «выступления японцев на севере – в непосредственной зоне соприкосновения с интересами советскими, ещё ярче разжигают для нас пламя надежды и возможностей найти почву и пути для осуществления наших национальных устремлений» [30, с. 170].

Нельзя, на мой взгляд, исключать и того, что заявленная Дитерихсом позиция была отражением явления, ранее уже отмечавшегося исследователями. Дело в том, что в период 1920–1930-х гг. Париж становится столицей зарубежной России, основным организационным и идейным центром российской военной эмиграции. И в попытках распространить своё влияние на все регионы мира зарубежной России, Париж сталкивался с противодействием других крупных эмигрантских центров, в том числе Белградом, Харбином [29, с. 69]. Причём как раз в Харбине находилось одно из отделений Дальневосточного отдела РОВСа, подконтрольного Дитерихсу.

Руководству СССР поступали сведения и о том, что другая заинтересованная сторона конфликта в Маньчжурии – Китай, также якобы предпринимала усилия для прояснения ситуации с вербовкой белогвардейцев. Как докладывал заместителям наркома по иностранным делам Л.М. Карахану и Н.Н. Крестинскому 6 января 1932 г. из Берлина советник полпредства СССР в Германии И.С. Якубович, «все кит[айские] посольства в Европе получили задание выяснить и проверить сведения, имеющиеся в Нанкине, о производимой японцами усиленной вербовке белогвардейских сил, в первую очередь б[ывших] офицеров, для переброски в Маньчжурию» [5, л. 1 об].

Если предположить, что слухи о вербовке распускались с какими-то целями по указанию советского или китайского руководства, то страны, где японские вербовщики работали «якобы весьма успешно» были выбраны вполне логично – Франция, Чехословакия, Югославия. Т.е. одни из наиболее «насыщенных» русскими эмигрантами (особенно, членами РОВСа) европейских стран. Тем более, что как указывают исследователи, реваншистские доктрины российского военного зарубежья во Франции включали в себя планы подготовки новой интервенции против СССР в 1920–1930-е гг., диверсионную деятельность РОВС, участие военных эмигрантов в социально-политических конфликтах в Европе и на Дальнем Востоке [29, с. 158].

Однако, если же слухи и были инспирированы Советским Союзом, то во всяком случае, дипломаты (в частности, Якубович) об этом вряд ли были поставлены в известность и даже были готовы помочь китайцам установить истину: «У нас нет подобных сведений [о вербовке]. Если бы Вы считали полезным, я мог бы передать для использования данные по этому вопросу, имеющиеся в Москве» [5, л. 1 об].

Однако, сомнительно, чтобы слухи о вербовке эмигрантов были организованы из Москвы. Из сообщений советских дипломатов видно, что лидеры СССР были обеспокоены по этому поводу ничуть не меньше руководителей РОВСа, хотя и по другим причинам. И в первую очередь, вполне закономерно, советскому руководству требовалась информация именно из «популярных» у белоэмигрантов европейских государств, например, Франции, относительно которой уже было дано указание «опротестовывать» возможные случаи вербовки белогвардейцев на Дальний Восток.

О результатах этой деятельности (временный) поверенный в делах СССР во Франции М.И. Розенберг 5 апреля 1932 г. сообщал Н.Н. Крестинскому из Парижа. Причём Розенберг ссылался на «соседние (соседские) источники» (видимо, имелась в виду информация «соседей», т.е. советской политической и / или военной разведки), к одной из которых, судя по современным публикациям, Розенберг имел прямое отношение [3]. Марсель Израилевич с одной стороны признавал, что «…встречаются только разрозненные индивидуальные случаи отъезда белогвардейцев на

Дальний Восток. Случаев открытой вербовочной работы нами не констатировано» [5, л. 31]. Но в то же время, «на всякий случай», уточнял, что дыма без огня не бывает: «В Париже…находится представитель ЮМЖД [Южно-Маньчжурской железной дороги] Сакамото, ведущий якобы переговоры о займе для дороги и установивший связи с местной белогвардейщиной…» [5, л. 31]. Видимо, последствием этих переговоров (если они были в реальности) стал визит в Токио управляющего Французско-Азиатским банком Массенэ, который в свою очередь вёл переговоры о продаже акций КВЖД японцам [8, лл. 99, 109].

Чуть позднее, события в Европе также отразились на положении российской военной эмиграции, в частности во Франции и в Югославии. Следовательно, они же могли повлиять и на принятие белоэмигрантами решение согласиться на вербовку для участия в японо-китайском конфликте, если бы им поступили подобные предложения. 7 мая 1932 г. русским белоэмигрантом П. Т. Горгуловым в Париже был убит президент Франции П. Думер. После этого в Югославии, например, в прессе началась травля российских беженцев. В то же время, нападки на эмиграцию были направлены не на беженскую массу, бедствовавшую и трудившуюся на тяжёлых работах, а на группу, названную автором публикаций «русской мафией» [15, с. 55]. В самой Франции это привело к всплеску антиэмигрантских настроений, выражавшихся в частности со стороны профашистских организаций вроде «Огненных крестов» и «Королевских молодчиков», которые требовали жёстких мер по отношению к проживавшим в республике иностранцам-апатридам. В то же время на начало 1930-х гг. во Франции пришёлся рост политической активности российской военной эмиграции, когда на повестку дня ставилась возможность вооружённой борьбы с большевистским режимом и последующего реванша [29, с. 160].

Таким образом, помимо продвижения Японии в Маньчжурии к линии КВЖД, неоднозначная позиция лидеров Белого движения и отсутствие точных данных о вербовке японцами белоэмигрантов для участия в конфликте на Дальнем Востоке, несмотря на дипломатические достижения в переговорах с Польшей, также делали ситуацию достаточно тревожной. Так что это вполне объясняет то, почему с точки зрения И.В. Сталина, отнюдь не сдвиги на западе [переговоры с Польшей] были главным: «Всё это, конечно, не плохо [Так в тексте]. Но не в этом теперь главное. Главное теперь – в подготовке обороны на Дальвосте. Мы уже начали делать кое-что в этой области» [28, с. 162-163].

Заключение

События на Дальнем Востоке вполне вероятно влияли на положительные сдвиги в отношениях с Польшей и наоборот, ведь вполне мирные контакты с поляками оказывали сдерживающее влияние на «горячие головы» в Токио. Однако долго рассчитывать на этот фактор было трудно в силу как идеологических стереотипов, когда антисоветские высказывания поляков играли на руку в первую очередь противникам СССР, так и из-за резких заявлений Коминтерна в адрес польской буржуазии, на самом деле или мнимо помогавшей вооружению Японии.

Одним из наиболее загадочных и скандальных эпизодов этой помощи была организация вербовки белоэмигрантов за рубежом (в т.ч. в Польше) и отправка их в Маньчжурию. Очевидно, что какие-то факты переброски белогвардейцев могли происходить в реальности. Тем не менее, остаётся до конца неясным, имели ли в действительности к этому отношение Япония, Польша и / или другие государства. Либо эти мероприятия проводились исключительно по инициативе какой-то части Белого движения, решившей, что после начала событий в Китае настал удобный момент для активизации борьбы с большевиками с помощью Японии, продвигавшейся к границам Советского Союза. Изучение этого вопроса также может быть дальнейшим направлением исследований, поскольку для ответа на него возможно, потребуются документы не только из российских, но и из иностранных архивов, в том числе спецслужб, а также, вероятно, более широкое привлечение источников личного происхождения.

Пока же следует иметь в виду, что позиции самих белоэмигрантов по этому вопросу разделились. Некоторые авторитетные лидеры эмиграции (генералы А.И. Деникин, Е.К. Миллер, Н.Н. Стогов) были против всяческого участия в маньчжурских событиях. Что же касается,

например, генерала М.К. Дитерихса, то он, напротив, всячески поддерживал намерения воспользоваться сложным внешнеполитическим моментом и нанести удар по СССР. В целом же, все без исключения заинтересованные стороны (и СССР, и Япония, и Китай) знали о том, что что-то происходит, но вот задачи при этом у них были несколько разные. Если СССР и Китай в первую очередь пытались прояснить ситуацию, то Япония скорее была озабочена тем, чтобы убедить главным образом Советский Союз, для которого поведение белых в Китае имело особое значение, в том, что империя не имеет к происходящему никакого отношения. В связи с этим, стоит заметить, что даже с привлечением советскими дипломатами источников в виде некоторых донесений советской разведки, было установлено, что к весне 1932 г. имели место вероятно лишь одиночные случаи отъезда белоэмигрантов из Европы на Дальний Восток.

Тем не менее, это могло ещё больше негативно настроить Советский Союз относительно Японии, т.к. далеко не все лидеры белоэмигрантов выступили против организации такой вербовки. Информация же об отсутствии массового характера отъезда появилась не сразу, а значит, некоторое время могла сохраняться напряжённость со стороны Москвы из-за неуверенности в действительной роли Токио в данных событиях.

Кроме того, с ноября 1931 г. наблюдалось дальнейшее продвижение японских войск по территории Маньчжурии, что привело к выходу их к Цицикару и что ещё более важно, к линии КВЖД. Имевшая место наряду с этим обстоятельством активизация разведывательной деятельности японских спецслужб создавала дополнительные факторы, наряду с возможной вербовкой Японией белоэмигрантов в Европе, влиявшие на обострение советско-японских отношений.

В связи с этим закономерно, что в декабре 1931 г. со стороны СССР Японии было сделано предложение о заключении пакта о ненападении. Это служит ещё одним аргументом в пользу мнения о том, что к тому времени двусторонние отношения уже начали серьёзно портиться. Вскоре опасения советской стороны ещё больше укрепились, особенно после того как в январе 1932 г. продолжилось движение японцев к Харбину – «сердцу» советской колонии в Маньчжурии и КВЖД.

Библиография

1. Абдуллаев К. Н. Русские и восстание в Синьцзяне в первой трети 1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2015, № 4-2(88). С. 15-19.

2. Аварин В. Белогвардейцы на службе японского империализма. // Тихий океан. 1935, № 1. С. 117-128.

3. «Агентство политических новостей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.apn.ru/publications/article21152.htm (дата обращения: 14.01.2020).

4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 08. Оп. 14. П. 122. Д. 60.

5. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 08. Оп. 14. П. 122. Д. 64.

6. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 15. П. 162. Д. 4.

7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0146. Оп. 14. П. 146. Д. 1.

8. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0146. Оп. 15. П. 149. Д. 1.

9. Бакалина Д. А. За веру, царя и Отечество: русские белоэмигранты в Гражданской войне в Испании. // Гуманитарный акцент. 2020, № 3. С. 10-16.

10. Бухтерев В. Б. Российская военная эмиграция в Германии в 1920–1945 гг.: дисс…к.и.н. М., 2006. 194 с.

11. Гавриков А. А. Участие бригады Асано в боях на Халхин-Голе: краткий обзор историографии проблемы. // Боевой и трудовой подвиг забайкальцев в годы Великой Отечественной войны. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. С. 31-35.

12. Гордеев Н. В. Русская эмиграция Маньчжурии в вооружённом конфликте на Халхин-Голе. // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: в 2-х ч.

Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Часть 1. Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. С. 147-152.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 47.

14. Деникин А.И. Русский вопрос на Дальнем Востоке. Париж, 1932. 35 с.

15. Дычко С. Н. Российская военная эмиграция в Югославии в 1920–1945 гг.: институционализация и деятельность: дисс…к.и.н. М., 2006. 210 с.

16. Жуков А. В. Российская военная эмиграция в Польше и её военные последствия: 1917–1945 гг. Дисс…к.и.н.: М., 2014. 145 с.

17. Калинин А. Ф. Русские воины на американских полях сражений. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016, № 1(6). С. 43–48.

18. Кен О.Н. Москва и пакт ненападения с Польшей (1930–1932). СПб: ПИЯФ РАН, 2003. 129 с.

19. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: ИМО, 1962. 560 с.

20. Марковчин В. В. Несостоявшийся союз: РОВС и Гражданская война в Испании. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017, № 1(22). Т. 7. С. 94-102.

21. Окороков А.В. Участие русских эмигрантов в Гражданской войне в Испании. // Журнал института наследия. 2016, № 2(5). С. 6.

22. Открывая новые страницы: международные вопросы: события и люди. Сб. / Сост. Н.В. Попов. М.: Политиздат, 1989. 431 с.

23. Пеньковский Д. Д. Участие белоэмигрантов в военных формированиях и боевых акциях в различных странах мира. // Знание. Понимание. Умение. 2014, № 2. С. 149-157.

24. Ракунов В. А. Военные последствия эмиграции белых войск из России в Китай. // Власть. 2011, № 9. С. 136-138.

25. Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 452 с.

26. Семёнов К. К. лицом к солнцу: участие белоэмигрантов в Гражданской войне в Испании (1936–1939). // Ежегодник Дома русского Зарубежья имени Александра Солженицына. 2010, № 1. С. 46-74.

27. Смирнов С. В. Август 1945 г. в Северной Маньчжурии: вооружённая борьба русских эмигрантов против японцев. // Россия и АТР. 2015, № 3(89). С. 82-90.

28. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк – М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.

29. Сотников С. А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг.: дисс…к.и.н. М., 2006. 215 с.

30. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 272 с.

31. Эримберг Г. Японская оккупация Маньчжурии и активность белогвардейцев. // Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов: сб. ст. М.: Партиздат, 1932. С. 98-111.

32. XII пленум ИККИ. Стенографический отчёт. Т. 3. М.: Партиздат, 1933. 180 с.

RECRUITMENT OF WHITE EMIGRANTS IN EUROPE IN 1931-1932 FOR PARTICIPATION IN THE EVENTS OF THE MANCHURIAN CRISIS AS ONE OF THE POSSIBLE FACTORS IN CHANGING THE POLITICAL COURSE OF THE USSR IN THE FAR EAST: TO THE PROBLEM STATEMENT

Filinov A. B.
Kutafin Moscow State Law University

Abstract

The article is devoted to the issue of possible recruitment by Japan of White emigrants in Europe in 1931-1932 for participation in the Japanese-Chinese conflict that started after the Manchurian (Mukden) incident in September 1931 and became a part of the Manchurian crisis (September 1931 – March 1935). This, as well as the use as sources of unpublished materials from the fonds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF), the State Archive of the Russian Federation (SA RF) determine the relevance and scientific novelty of the study.

The purpose of the article is to establish the fact of mass and systematic or single cases and weak organization of the recruitment of white emigrants to participate in the events of the Manchurian crisis, which could be one of the factors that influenced the political course of the USSR leadership with regard to the situation in Northeast China. The article analyzes the opinions of some leaders of the Russian military White emigration, including the leaders of ROVS (Russian All-Military Union), on the issue of the White Guard participation in the Japanese-Chinese conflict. The article reveals notable discrepancies between the attitudes of A.I. Denikin, M.K. Diterikhs, and E.K. Diterikhs. Diterikhs, E.K. Miller to the possible participation of Russian white emigrants in the events in Manchuria on the side of Japan.

It is concluded that the facts of mass recruitment of White emigrants in Europe to participate in the Japanese-Chinese conflict in 1931-1932 in particular by Soviet diplomats were not revealed. However, it is hypothesized that the information spread about the facts of recruitment of Russian emigrants to participate in the events in the Far East on the side of Japan, in conjunction with other factors (for example, the withdrawal of Japanese troops to the CEL line), could affect the change in the attitude of the top Soviet leadership (primarily Stalin) to the situation in northeastern China near the Far Eastern borders of the USSR.

Keywords

White emigrants, recruitment, top leadership of the USSR, A. I. Denikin, M. K. Diterikhs, Manchurian crisis, E. K. Miller, Poland, ROVS, France.